

Парад академий и утечка мозгов, бегство ученых в мир кооператорского чистогана и погружение в потоки политических страстей, закрытие институтов, безработица, биржа труда для научных работников... Что и говорить, не самые радостные приметы времени для большинства наших читателей. Но уже появляются и обстоятельства, которые позволяют противостоять унынию. В первую очередь это долгожданные перемены, обновляющие и освежающие атмосферу научной деятельности. На глазах рушится закостеневшая, сковывающая ученых система орга-

Эти дни могут стать поворотными в истории Академии наук СССР. О ее судьбе специальный корреспондент Александр СПИРИДОНОВ беседует с вице-президентом АН СССР Евгением ВЕЛИХОВЫМ

Е. ВЕЛИХОВ: «РЕШАТЬ БУДЕТ НАРОД»

- На памятном заседании Госсовета, где обсуждалось будущее академии, согласно пересказу В. Кудрявцева в «Известиях», вы представили различные модели ее дальнейшего существования...

- Ничего подобного не было. Мой коллега просто что-то спутал или забыл.

На самом деле я говорил на Госсовете о двух вещах. Во-первых, о современных методах демократического финансирования и поддержки науки. Эти идеи мы уже прописывали в известном Указе Президента страны. Речь идет о возможно большем количестве различных фондов. По меньшей же мере должен быть создан центральный научный фонд, если республики - теперь и государства - решат выполнять некие общие программы.

Нам сегодня наиболее подходит система с тремя элементами финансирования. Это конкурсное участие в программах. Также конкурсное получение грантов. Наконец, так называемое базовое финансирование. Без него мы не можем пока обойтись, поскольку не сумеем сразу объединить науку и образование. Как, например, это сделано в США, где профессор имеет зарплату плюс средства полученного гранта. У нас будут перерывы в зарплате - до очередного гранта.

Словом, пока наши институты должны зарабатывать базовое финансирование. Процент его зависит от многих факторов. Институты всегда стоят за максимальный его размер. В интересах же дела он должен быть оптимальным. Вкупе с программами, грантами.

Еще одно мое положение касалось свободы обращения в фонды. Любой ученый из любой республики должен иметь равные возможности обращаться в любые фонды. Где

бы он ни работал. То-есть - свободный конкурс. Рассмотрение заявок также должно проходить, как это принято в цивилизованном мире, с использованием независимых экспертов, желательно с привлечением иностранных специалистов. Тогда одновременно создавался бы корпус экспертов. Мы в нашем отделении это начали в свое время, но потом за всеми передрыгами последнего времени дело было благополучно забыто. Тем не менее у нас были программы, гранты. Два года мы так работали.

Вообще говоря, когда подобные задачи берутся решать чисто бюрократические организации вроде ГКНТ СССР, то все очень быстро превращается в дележ денег. А значит - появляется чиновник при ложке и начинается коррупция. Не то чтобы уж совсем криминальная. Тем не менее в научном мире это главное преступление, за которое надо немедленно гнать с работы.

Еще одним важным условием нормальной деятельности фондов я считаю конкурентность. Если, например, в Казахстане учрежден фонд по какой-нибудь крупной научной проблеме, то средства из него должны иметь возможность получить и ученые из других республик. Это касается и фундаментальных и прикладных задач.

- А как технически вы мыслите обеспечивать свободу конкурса?

- Условия его публикуются в печати. Причем известно, где и как. Но самое для нас трудное - это формирование института экспертизы.

Например, совсем недавно мы в академии объявляли конкурс на молодежные работы. И вот пять экспертов подписали положительные отзывы по одной из них. Работа

Окончание на стр. 2

Страсти вокруг двух российских взятой России все накаляются столько их накал, сколько колич

АКАДЕМИ ТЕМП

ХРОНИКА

• Как мы уже сообщали, состоявшееся 16 сентября заседание Госсовета в числе прочих вопросов рассматривало вопрос о статусе АН СССР.

По более поздним уточненным данным, реакция Госсовета на просьбу руководства президиума АН оставить академию в числе союзных структур была не такой однозначной, как трактовали ее мы и как трактовал ее президент АН СССР Гурий Марчук, выступая на следующий день в телевизионной программе «Утро»: На первых порах идея сохранения союзной академии действительно ни у кого особых возражений не вызывала. Все поддерживали важность сохранения единого научного пространства... пока не выступил академик Шаталин. Он поинтересовался у Гурия Ивановича, от чьего имени тот, собственно, выступает? Дело в том, пояснил он, что все институты Отделения экономики АН СССР, где он академик-секретарь, единодушно решили уйти под юрисдикцию России. Тут все смешалось, началась острая дискуссия, которую Михаил Горбачев заключил словами: «Пусть решают ученые».

• Во вторник 17-го состоялось заседание президиума АН. Члены президиума, которые всего неделю назад при трех воздержавшихся проголосовали за союзный статус, теперь единогласно (28:0:0) решили вернуть академии ее историческое название, существовавшее с 1918 по 1925 г. - «Российская», - и придать ей российский статус.

Такое «кругом шагом марш» академик Велихов объясняет просто. По его словам, предыдущий президиум, на котором был поддержан союзный статус, был для академиков шоковым. После него многие из членов президиума крепко задумались, в частности, над тем, так ли им нужна союзная юрисдикция, когда все вокруг них живут по законам России. И каждый из них имел целую неделю на то, чтобы укрепиться в сделанном выборе.

Е. ВЕЛИХОВ: «РЕШАТЬ БУДЕТ НАРОД»

Окончание. Начало на стр. 1

получила грант. А после этого вдруг все эксперты попросили назад свои заключения. Как выяснилось, они и не читали рецензируемую работу. А когда познакомились с ней, буквально взвыли от ее некомпетентности. И это еще сравнительно благополучный итог. Ведь могли и вовсе не прочитать...

- И все же, как ни трудна задача приобщения к цивилизованным нормам в области финансирования исследований, здесь, пожалуй, не должно быть разногласий - к какому порядку двигаться.

- Действительно, острее прозвучала на Госсовете вторая из обсуждавшихся научных тем: о судьбе академии.

Начал я с того, что просто сообщил о прошедших уже бюро отделений - теперь, кстати, прошли и собрания президиума академии, на которых, по моему мнению, сформировалось движение за возвращение академии статуса российской. Ею она была, напомним, с 1917 по 1925 год.

- Вам на Госсовете пришлось как-то мотивировать эту идею?

- Да. Но мои аргументы не были особенно оригинальными.

Когда в 1925 году академии дали союзный статус, главная наша функция заключалась в том, чтобы создать науку в республиках. В результате в республиках появились независимые академии. Союзная академия всегда была равная среди равных.

- Разве? И она не брала на себя так называемые руководящие функции?

- Бывало и такое. Но академия в конце концов все-таки отказывалась от административного руководства. Поэтому сегодняшняя ситуация с независимостью в экономике и политике - давно не новость в науке.

Конечно, Академия наук выполняла некоторые общие функции. Скажем, она представляет все научное сообщество в международных организациях.

- Евгений Павлович, уж не намерены ли вы парировать популярное сравнение Академии наук с мини-

стерством науки?

- Ни в коем случае. Но к этому мы вернемся, если позволите, чуть позже.

Аргументируя возвращение к российскому статусу, я говорил, что, в отличие, например, от медицинской академии, у которой нет аналогов в республиках, у нас во всех республиках есть независимые академии. И все наши институты согласно уставу создаются только в РСФСР. Поэтому всю жизнь мы себя чувствовали, вообще-то, российской академией, которая заодно выполняет ряд функций, которые нас просили выполнять.

Сегодня неизбежен переход наших институтов на российское финансирование. Союзный бюджет в плане финансирования науки находится под сильным сомнением. И все наши академические запросы ГКНТ СССР передал в Россию.

Второй аргумент. Академия не сводится только к институтам. Есть неакадемические институты - скажем; Институт атомной энергии имени Курчатова, ЦАГИ, на которые, естественно, распространяется влияние академии. Подобные институты, обладая высоким научным потенциалом, определяют состояние в нашем отечестве важнейших отраслей техники - космонавтики, судостроения, авиации. Многие из институтов, к сожалению, в основном военного характера. Поскольку Россия теперь становится преемницей Союза - в восприятии основной части промышленности, - то, разумеется, отсутствие академии создаст некий организационно-интеллектуальный вакуум, заполнить который может, скорее всего, суррогат наследия сколоченных структур.

В столь сложный момент Россия особенно нуждается в интеллектуальных силах академии.

- Но РСФСР объявила о создании собственной Российской академии...

- И тогда мы оказываемся в подвешенном состоянии. Причем, убежден, это будет потеря и для России и для нас.

Мы вовсе не против создаваемой

вновь Российской академии. Считаю, что в нее заложен интересный принцип формирования. Но мы всегда можем с ней объединиться, многие ее разумные принципы воспринять. Какие?

Во-первых, академия действительно берет на себя сегодня много управленческих функций. Она управляет институтами. Отделения делают это иногда формально. И тогда реальное управление становится планово-финансовым. Вот тут академия и уподобляется министерству. Но, как мы уже говорили, переход к финансированию через фонды, конкурсы полностью устраняет этот грех. Свободными становятся институты, сами ученые.

- А как быть с хозяйственными функциями академии? Есть ведь у нее свой Академснаб, Академстрой...

- Все это может перейти, скажем, к какой-то ассоциации ученых или институтов, которые могут содержать эти подразделения настолько, насколько они нужны.

Тогда отделения академии сконцентрируются на жизни научного сообщества - обсуждение перспектив, информация, обзоры, экспертизы.

Такой принцип поддерживается и российским парламентом.

Еще одну реформу я считаю давно назревшей. У нас искусственно сохраняется неразумное деление на действительных членов и членов-корреспондентов. Поэтому возраст академиков лет на десять больше, чем было бы без разделения. Член-корр, попадая в академию, становится зависящим от небольшой группы академиков. Его поведение начинает формироваться под влиянием этой группы. Такое положение разлагает обе стороны. Еще с покойным академиком Скрябиным мы предлагали решение этой проблемы - упразднить членкоррство, сделать всех действительными членами. Сегодня это облегчит нам процесс выборов, аккумуляцию достойных научных сил. Академия пополнится энергичными, современно мыслящими учеными, активно работающими в науке.

- Евгений Павлович, все это, можно сказать, реформы скорее тактические, рассчитанные на текущий момент, на конфликтную ситуацию. Ясен ли вам сегодня путь, по которому пойдет естественная эволюция академии вслед за общими демократическими процессами?

- Вообще говоря, мне представляется, что академии наук как таковые будут постепенно отмирать. Но взять сегодня и революционно отменить академию, по-моему, было бы ошибкой. Думаю, что параллельно с академией должна возникнуть другая структура. Какая?

Сегодня, если вы, скажем, посмотрите на деловой мир, настала

эпоха транснациональных фирм - то есть таких, у которых вообще нет определенной национальной приписки. А наука - она в принципе транснациональна. Для нее любые границы искусственны. У нас уже есть одно транснациональное научное образование, существующее уже два года. Это - Всемирная лаборатория. Не могу сказать, что это нечто идеальное. Она, по сути дела, только рождается.

Правительство СССР, если не ошибаюсь, еще в 1989 году приняло постановление о Всемирной лаборатории на территории страны. В нем было записано, что собственность этой лаборатории - это ее собственность, а не государственная. Это тогда, когда мы еще никакой иной собственности, кроме государственной, фактически не признавали. К сожалению, и сегодня той формы собственности, которая принята Всемирной лабораторией, мы не признаем. Это так называемая корпоративная собственность.

Работает она следующим образом. Создается совет попечителей, или совет директоров. Он - выборный. Обновляет себя сам. Этот совет ведет какую-то программу. Своим именем - разумеется, авторитетным в научном мире - он обеспечивает программу фондом, финансирующим ее. Естественно, если выбран плохой совет, все очень быстро прогорает.

Действующий успешно совет располагает корпоративной собственностью - именно ему, а не институтам и ученым она принадлежит. Но вместе с тем она не принадлежит и ни одному из членов совета. Если институт прекращает свое существование, если вы ушли из совета - вы уходите с нулем, вам ничего не принадлежит в этом институте.

Так, кстати, работают на Западе частные университеты. Это вариант неприбыльной корпорации. Всемирная лаборатория живет не по принципу иерархии, у нее нет центра. То есть у нее может быть центр где-то в мире. Но он - чисто условный. Он ничем не управляет. Его задача - дать своего рода матрицу, вылепить институт по своему подобию, после чего тот начинает жить сам по себе. И существовать он будет только до тех пор, пока он кому-то нужен. Фонды, гранты, программы - вот его заработки, средства свободного существования.

- Много ли подобных корпораций у нас в стране, в России?

- Не могу сказать, что очень много, но они уже есть в разных республиках. Недавно Казахстан узаконил права Всемирной лаборатории на своей территории. Сейчас аналогичные права оформляются в России. Застопорилось дело как раз на новизне понятия корпоративной собственности.

Сейчас Всемирная лаборатория

имеет на территории Союза почти четыре десятка институтов. Они есть в Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, Казахстане. Институты, образованные и работающие на тех же принципах, есть в Индии, Китае, Бангладеш, Швейцарии, Италии. Сейчас мы ведем переговоры с американцами.

- Вы полагаете, что такая форма наиболее соответствует научному труду?

- Не могу, разумеется, ручаться за полную ее идеальность, но она мне представляется очень разумной и эффективной. Благодаря тому, что собственность принадлежит совету, у вас не возникает никаких вопросов о собственности на оборудование. Абсолютно неважно, чье оно - американское, советское. Если в состав совета входят, скажем, американцы, то, конечно, упрощается пользование грантами и фондами в США. У нас в Москве уже есть институт, где директор - американец.

- Евгений Павлович, возвращаясь к проблемам академий, как могут решаться проблемы собственности? Кому что отойдет? Здесь ведь все так переплелось! Крупные институты, создаваемые на средства общего бюджета, геофизические станции, астрономические обсерватории, геологические экспедиции...

- Конечно, будут коллизии. Решать их следует за столом переговоров. Что тут может послужить основой? Опять-таки в академии надо было перейти к наиболее соответствующей форме собственности. Вроде бы основу давал известный Указ Президента. Но там как раз нет четкого ответа на вопрос о форме собственности.

Вы помните, что Россия возразила, сказав, что речь не может в данном случае идти о собственности академии. И я только теперь до конца уяснил мотивы этого несогласия, хотя тоже тогда возражал против нечетких положений Указа. Основания возражать были очень веские. Не могут быть институты собственностью общего собрания членкорров и академиков. Я считал и считаю, что в данном случае наиболее приемлема корпоративная собственность.

Рассуждая дальше, можно представить, что право распоряжения этой корпоративной собственностью может быть делегировано институту.

- В таком случае будут возникать весьма непростые ситуации. Нынешним, плохо оборудованным, а зачастую и перенаселенным институтам будет выгодно сдавать свои помещения - пусть даже часть их - тем же, например, совместным предприятиям под офисы.

- Я считаю, что это есть их полное право. Скажем, независимость американских университетов в значительной степени основана на том,

что они имеют право на землю и здания. Многие помещения они сдают в аренду, получают деньги и на это живут.

В мировой практике для неприбыльных организаций все это законная и нормальная вещь. Кроме того, вы только что сами отметили наши сегодняшние беды. Ведь мы держим невероятное количество сотрудников, имеющих крайне низкое приборное обеспечение, плохую зарплату. Разве не разумно - сохранить только ценных сотрудников, а за счет той же сдачи в аренду части помещений создать им лучшие условия для работы.

Конечно, все можно довести до абсурда. Например, останется один директор, который будет сдавать целый институт и жить на эти средства, забыв про всякую науку. Юридически исключить подобные нонсенсы, думаю, не представит большого труда.

- Увы, у нас до сих пор именно абсурдность зачастую вытекала из разного рода законодательных актов и постановлений.

- Будем предполагать, что положение наконец изменится.

- Евгений Павлович, многих удивило поведение руководства Академии наук СССР после того Госсовета. На следующий день президент АН СССР в утренней программе ЦТ говорил одно, потом оказался в числе единогласно подписавших совсем другое...

- Вообще-то об этой метаморфозе вам надо поинтересоваться у самого президента.

Меня, разумеется, она тоже не оставила равнодушным. Но на мой вопрос он ответил, что голосовал, имея в виду лишь... изменение названия - то есть Академии наук СССР на Российскую. Я прямо сказал президенту, что думаю о таком его объяснении...

- Были ли у вас после этого контакты с российскими парламентскими структурами? И находите ли вы с ними общий язык?

- Значительную долю времени этим и занимался. И очень хочу надеяться, что не впустую. Кстати, президиум АН СССР практически в полном составе высказался за проведение общего собрания академии 1-2 октября. Только президент хотел отложить его на более поздний срок. Мы со своей стороны делали все, чтобы в то же время прошел и съезд ученых, и другие представительные собрания научной общности.

В дни путча, находясь в Италии, в интервью средствам массовой информации я говорил, что все теперь решат не президенты и парламенты, решающее слово - за народом. В отношении судьбы академии я могу лишь повторить эту мысль. Уверен, что сегодня ее будущее могут выбрать сами ученые.